

К Р И Т И К А

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: denlit.ru

О новой книге Виктора Петрова "Болевой порог"

Года три назад, прочитав сборник Виктора Петрова "Дотла", свои чувства я выплеснул в такой электронной записке:

"Прямо-таки уголь из печи, до того с опаской берёшь в руки — такое первое ощущение. Прочитаешь — ожог усилится, но уже изнутри. Хожу под впечатлением который день. И вот вчера явился образ. Твой ожог под названием "Дотла" — это поезд на крутом склоне-повороте. Бешеный поезд. Хочется сказать: на полном скаку... Вагоны-страстицы пронизаны ознём. То ли это от закатного солнца, пробегающего поезд насквозь, то ли пламя бушует внутри швеллона..."

Образ швеллона, возможно, замечал ещё в давней, пятiletней давности подборке Виктора Петрова, опубликованной в журнале "Двина", который я редактирую. В предыдущем сборнике он определился. Новая книга поэта "Болевой порог" (Москва, издание журнала "Юность", 2014 год) утвердила ощущения.

Это начинается с оформления. Буквы заголовка, пунцовые на тускло зелёном поле обложки, напоминают летящие сквозь сумерки и травы вагоны. Образ подтверждают многочисленные знаки и приметы, являющиеся при чтении: "Сибирь колесовали поезда — Вела их паровозная звезда...", "Разлука срывает стоп-краны...", "Клубы паровозного пара Плывут из отъезженной тьмы...", "Совладаю со шпалами, как с несвобождою...", "Я лечу по серебряным рельсам...", "Вагон, как телогреечка, затёрханный Железными стаканами гремел...", "Судьбу ли утешала в громе Настырных вагонных колёс..."

"Болевой порог" — это русский швеллон, летящий через времена и пространства и не ведающий конечной станции...

Само собой аукается Блок: "Молчали жёлтые и синие; в зелёных плакали и пели..."

"Жёлтые и синие" — не столько вялые, сколько в горькой памяти поэтиче-

ского сердца, — они наполнены изгоями белой гвардии, осыпавшими в эмиграции, их тени мелькают в рваных ключах дыма и тумана, уносящихся прочь ("Вещий сон", посвящённый поэту-изгнаннику Николаю Туроверу, "...Спешились белые конники И седлают в Париже авто...", а ещё про Лондон, в котором прочитывается Дон).

А в "зелёных", как в Новом ковчеге, — "всякой твари по паре". Тут солдаты, безымянные защитники Отечества, и их вдовы; тут эски — политические и урки; тут слобожане и крестьяне, мужики и бабы. Тут рядом с поэтом обретается Авакум Петров, воспринимаемый Виктором Петровым как кровный пращур, чему беспресловенно веришь, настолько его стихи созвучны мятежным письмам "огнепаль-

ши. Да и мы, нынешние, подпали под его коварные чары, когда два десятка лет назад бездумно отдали за понюшку дьявольского табаку своё государство.

Мы же готовы были в прямом и переносном смысле, расшив пути, перейти на западные рельсы, сузив до их стандартов нашу исконную колею и тем самым сдать чужакам свою Родину. Такой морок на всех напал. Непробудный сон России Ехал с нами, нами был, А вокруг леса, трясины, Мрак и морок, глум, распыл...

Поезд темней реал, стена, И являлась неспроста Родина как неродная, Хоть и русские места.

Михаил ПОПОВ

На крутом повороте

тла" — это поезд на крутом склоне-повороте. Бешеный поезд. Хочется сказать: на полном скаку... Вагоны-страстицы пронизаны ознём. То ли это от закатного солнца, пробегающего поезд насквозь, то ли пламя бушует внутри швеллона..."

Образ швеллона, возможно, замечал ещё в давней, пятiletней давности подборке Виктора Петрова, опубликованной в журнале "Двина", который я редактирую. В предыдущем сборнике он определился. Новая книга поэта "Болевой порог" (Москва, издание журнала "Юность", 2014 год) утвердила ощущения.

Это начинается с оформления. Буквы заголовка, пунцовые на тускло зелёном поле обложки, напоминают летящие сквозь сумерки и травы вагоны. Образ подтверждают многочисленные знаки и приметы, являющиеся при чтении: "Сибирь колесовали поезда — Вела их паровозная звезда...", "Разлука срывает стоп-краны...", "Клубы паровозного пара Плывут из отъезженной тьмы...", "Совладаю со шпалами, как с несвобождою...", "Я лечу по серебряным рельсам...", "Вагон, как телогреечка, затёрханный Железными стаканами гремел...", "Судьбу ли утешала в громе Настырных вагонных колёс..."

"Болевой порог" — это русский швеллон, летящий через времена и пространства и не ведающий конечной станции...

Само собой аукается Блок: "Молчали жёлтые и синие; в зелёных плакали и пели..."

"Жёлтые и синие" — не столько вялые, сколько в горькой памяти поэтиче-

ного" протопопа.

В сущности, самое наше историческое сознание — это такой вот железный состав, в котором существуют в одной цепке и прошлое, и настоящее, и будущее. Во всяком случае, в сердце поэта они пребывают именно так — нераздельно и едино. Оттого иные стихи не имеют никаких исторических и временных границ, настолько сливаемыми представляются старозаветная быль и боль нынешнего. Особенно это характерно для державной составляющей — так бы я свёл вводное произведение о Родине, о народе, о войне, горе и славе отлетевшего века: стихотворения "Русские", "Даль", "Армагеддон", "Стратегия", "Сталинский удар", "Отступ", "Казачий помин"

Наиболее яркое в этой череде стихотворение, которое так и называется — "Поезд". Но не потому, что название подчёркивает отмеченный образ — здесь, как мне видится, поэт достиг наибольшей цельности. Пятьдесят две строки, тринадцать строф, словно тринадцать вагонов, но сколько же они явили русских смыслов! Поезд шёл в ночную пору Расписанию вдов, И вольготно было вору Спящий обирать вагон.

"Вор в законе" — закоренелый, ушлый, нахрапистый, но это не просто урка, шмонающий путёвых и беспутных граждан, это — дьявол, обирающий души. Сколько в национальной истории было такого воровства — всё минувшее тысячелетие сатана сминал-губил протодушные русские ду-

Вот и до поэта добрался нечестивец, вот и его уже начал пытаться. К моему прищипу уха: — Что, мужик, душа болит? А душа и впрямь болела, Так болела — нестерпёж, Вспору вырваться из тела Да и броситься под нож.

Эка невидаль для беса! Ему и такой исход в зачёт. Нет, этим сатану не проймёшь. Тут одно средство — Божья молитва да православный крест. Вот и является она, крестная сила, в образе недрёманного отрока "С нимбом золотых волос", он ведаёт истинный путь и не допустит крушения летящего сквозз ночь состава. Он глядел и ясным взглядом Успокаивал вагон, Что проехал рядом с адом, Оборвав невнятный сон.

Вот этот отрок, свет его лучистый — путеводная звезда поэта на многих страницах сборника.

Но есть тут раздел, где этот ясный свет отсутствует. И коль образ выбран, помучу для начала этот вагон-раздел красным крестом. Раздел этот назван автором "Отключался на редкое имя". Чтение его, признаюсь сразу, измучило меня, я порывался перемахнуть его, но любопытство побуждало.

И вот что открыл для себя. Любовная история с драматическим концом, как история душевной болезни, вызывает сострадание, но одновременно и отторжение.

Примерно так я воспринимаю доктора Рагина, который из эскулапа пре-

вратился в пациента палаты №6. Слом воли, потеря рассудка, любовный бред — очевидные признаки недуга, охватившего поэта, сиречь его лирического героя. Ничего подобного мне доселе читать не доводилось.

Ранний Маяковский благополучно изжил свой одесский недуг, выплеснув вместе с "Облаком в штанах". Есенин "несчастные" и "счастливые" умопомрачения переводил в любовные стансы. Памятник, пожалуй, Цветаева с её плачем "Мой милый, что тебе я сделала?!"

Однако в сравнении со стихами, которые передо мной, это всё-таки — голос рассудка, где печальные сентенции-чувства делаются дисциплинированным рефреном. Всё у Цветаевой ясно и понятно.

А здесь, в этом 6-м вагоне, как, продолжая образ, хочется переименовать эту самую палату, происходит нечто запредельное. Любовь-страсть превращается в тяжкую муку, пытку, наваждение, тотальный недуг, который поражает сердце, рассудок, подавляет волю. Любовный бред в своих вариациях доходит до констатации, что понятно, точнее органично болезненно-состоянию и лишней раз свидетельствует о его искренности. А в образном ряду, подтверждающая очевидность болезненного умопомрачения, возникает какие-то страшные личины, змеи, оборотни...

Пытку любовную переживать тяжело. Читать не легче. Всплывает собственное, в том числе мучительное. И потому завершение раздела воспринимаю как облегчение. Хотя на этом автор не ставит точку. Так или иначе, отголоски болезненной мнаты проявляются и дальше, возвращая и читателя к тем невыносимым переживаниям.

Иммунитета против такой зависимости-страсти нет (Маяковского опутала и, в конце концов, сорвала любовно-лилейная гидра — тоже отключалась "на редкое имя"), привики от этого недуга не изобретены. Единственное спасение от напасти — призывать того светлого отрока, сиречь своего не потерянного для тебя ангела-хранителя. Молитва да крестное знамение — иного не ведаю. Иначе на таких крутых поворотах можно покалечить Божье творение — данную Им тебе поэтическую душу.

Это я, уже опять напрямую, обращаю к автору. Не надо пытаться судьбу там, где пахнет серой, Виктор. В новом сборнике имя твоё своим смыслом аукается. Но остерегайся, брат, — от победы до поражения бывает один шаг!

зависящие, чтобы настроить против русских ту часть украинца, которая уже лишена знаний нашей общей истории.

Такой настрой идёт на Украине с начала 90-х, и на сегодняшний день уже немало молодых людей, которые вопреки логики, высказанной Гоголем, считают русских своими врагами.

Потому и так больно видеть пробитую извне брешь между нашими бывшими республиками, а теперь уже странами.

Но поскольку пробита она лишь частично, есть надежда, что мы не разойдёмся в разные стороны. Это было бы противоестественным.

И потому с обеих сторон нужно делать всё от нас зависящее, чтобы этого не допустить.

Думаю, не случайно в качестве ключевых строк этой книги выбрано стихотворение Василия Фёдоровича, написанное в уже далёком 1955 году:

*Всё испытал,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займёт их враг.*

*Займёт, свода
всё те же счёты,
Займёт, засядет,
Нас разя...*

*Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.*

Как показывает время, слова: "сердца, не занятые нами, не мешкая займёт их враг", и сегодня — те же "высоты, которых отдавать нельзя".

Хочется и дальше приводить стихотворения сборника, потому что каждое из них самоценно и рождено от неравнодушия к происходящему в наши дни между народами-братьями.

Но лучше взять книгу и остаться наедине с той БОЛЬЮ и НАДЕЖДОЙ, которой дышат её строки.

Ведь это очень важно, что сегодня, "когда говорят пушки", МУЗЫ НЕ МОЛЧАТ.

О сборнике стихотворений "ОЖОГ". Сост. С.Д. Есеев, В.Ф. Киришин, В.Н. Попов. — М.: "Вече", 2015. — 192с.

Для сборника, в который вошли стихотворения современных поэтов и поэтов Великой Отечественной войны, составители выбрали название одного из его разделов. Их всего четыре. Кроме

означенного — "Окаянные дни", "Страницы общей памяти", "Мы — русские". Уже из названия этих "говорящих" разделов понятно, о чём идёт речь в книге, пронизанной нашей общей болью от происходящего сейчас на Украине.

Открывает сборник стихотворение Игоря Ляпина, написанное в печально известном всем людям Советского Союза 1992 году:

*И под Харьковом,
и под Жмеринкой,
И в херсонской степи седой,
Очарованные Америкой,
Вы стоите ко мне спиной.
Вы стоите с обманом под ружью,
За добро принимая зло.
Дружба — побоку,
братство — побоку...*

Заколдобило. Занесло...

Тогда — в дни "парада суверенитетов", такое наблюдалось повсеместно и "занесло" не только Украину. "Занесло" и Россию. И неизвестно, чем бы всё кончилось у нас, ни сделай нам судьба в канун третьего тысячелетия исторический подарок, когда президент Ельцин добровольно покинул свой "трон".

На Украине же очарование Америки продолжалось и привело к тому, о чём 20 лет спустя Вадим Негатуров напишет:

*Безразличная плесень сырая
повсеместна в умах и сердцах...
Свежий адрес у всех:*

"хата с краю",

*и у тех, кто в хрущёвках, сараях,
и у тех, кто в коттеджах,
дворцах...*

*Перекручены факты истории...
Узаконен церковный раскол...
Нет ДЕРЖАВЫ.*

*Есть блок террористов,
где паны
в истребительном споре
местечковый творят произвол...*

*Украина! Гниют в прозябании
Твой Талант и Удача Твоя...*

Григорий БЛЕХМАН

Музы не молчат

*Подались в холму да путаны
— убогажте ожиревшие страны —
Твои дочери и сыновья...*

*Украина... проклятые годы...
скверна в душах,
на совести грязь...*

*Что, Отчизна,
с Тобой происходит?!*

*...Мы не дети Тебе,
мы — отродье,
коль живём, с Твоей болью мирясь.*

Поэт, не смирившийся с этой болью, трагически погибнет во время кровавой пятницы в одесском Доме профсоюзов 2 мая 2014 года.

Кто бы мог предположить в уже далёкие годы начала сороковых, когда "час мужества пробил на наших часах" и это мужество никого не покинуло, что произойдёт то, что мы видим сегодня. Тогда были абсолютно иные чувства, которые и помогли победить:

*Как будто я сам
в Украине родился*

*И белую пыль
эту с детства толпал,
И речи родимой, и песням учился,
И ласку любимой впервые узнал.*

*Пусть я дружок
уроженец и житель,
И травы у нас не такие цветут,
В просторе степей,
в созревающем жите,*

*Я с ума сойти боюсь
И молюсь, молюсь, молюсь.
Вот бы Бог меня услышал.
И сейчас, не через год
Чтобы дух нечистый вышел
Изо всех, в ком он живёт.*

*Пусть кулачки
от злости сжаты,
Пусть грязи на меня ушаты
Ты льёшь, но я сказать хочу,
Зачем тебя, сестрёнка,
Штаты
Так нежно треплют по плечу.*

*И что бы там ни голосили,
Поймёт любой, коль не дурак:
На самом деле у России
И Украины — общий враг.*

Стихам Зиновьева как и раньше присуща некоторая ирония. Например, в стихотворении "Н.В. Гоголю" автор как бы намекает о не-

самой удачной попытке заморских режиссёров экранизировать произведение русской классики.

*Блаженны Вы в краю неблизком,
Где не летают мины с визгом
И где не рушатся дома...*

*Вий, говорящий на английском,
Вас, без сомнения б, свёл с ума.*

Не обходит Николай Александрович стороной и проблему современной поэзии, а точнее самих творцов этой поэзии. Вот так стихотворение он посвящает своим коллегам по перу:

*Талант от Бога скорбен духом,
Не жаждет славы он земной,
Не распускает грязных слухов,
Не носит камня за спиной,
Честь не меняет на монеты,
Терпеть не может льстивых фраз.
Мои приятели-поэты,
Увы, всё это не про вас.*

И всё-таки, возвращаясь к теме патриотизма в лирике Зиновьева, стоит отметить и стихи, без которых не обходится ни один авторский сборник. Так любить и дорожить своей родиной, как Николай Зиновьев, наверное, может не каждый. Слова тут, в принципе не нужны — отношение автора к Отчизне можно увидеть, например, в "Двойниках".

Размышления о прозе Николая Дорошенко

Соприкосновение с прозой Николая Дорошенко — это всегда не только "праздник ума", но, как правило, ещё и потрясение души, не важно — радостное или грустное, но обязательно тревожное и волнительное. Потому, что оно всегда связано с точным и выверенным проникновением в любое жизненное явление и становится тончайшим психологическим камертоном человеческих взаимоотношений. Именно такое ощущение охватыва-

но созная всю подлобастость своего поступка, главный герой рассказа заливаясь бессильными слезами.

Здесь рассказ и достигает своей драматургической кульминации. И мы начинаем осознавать, почему, казалось бы, честная и бескорыстная дружба иногда вызывает неприятие и даже раз-

Эдуард ПЕТРЕНКО

И не друг, и не враг...

ет нас при прочтении рассказа "Друг" из последней книги Дорошенко "Ушедшие".

Впрочем, тема дружбы была всегда предметом пристального внимания отечественной и зарубежной литературы. Достаточно вспомнить пушкинский лирический порыв "Друзья мои, прекрасен наш союз!". Или бережно-уважительное описание дружеских отношений в произведениях Паустовского "Романтики" и "Три товарища". Реплика, где дружба между литературными героями показывается в ракурсе некоего морально-нравственного эталона.

А в рассказе Дорошенко с первого же абзаца — всё с точностью до наоборот. "Ни для кого он другом не был. Это прозвище такое у него — Друг. Как бы в насмешку. Он сам постоянно напрашивался на это прозвище. Не разминуться было с ним, не мог он мимо пройти, мало-мальски знакомому человеку обязательно кричал:

— Друг! Привет! Ты чё здесь? А-а, понятно, понятно. А то, если что, дак вместе тут... При случае ещё встретимся, ага..."

Такой неожиданный сюжетный поворот буквально озадачивает, и невольно останавливаешься, пораженный психологической точностью изображённой бытовой картинки далёких школьных лет.

А ведь и правда, почти в каждом классе находился такой "товарищ-добродельный", которого за его назойливое проявление "дружбы" одноклассники, как правило, нарекали смачным идиоматическим выражением "каждой бочке затычка".

В нашем классе, к примеру, роль "всеобщего друга" всегда брал шуллерный, хитроватый еврейчик Боря Ниц. На переменах он, что называется, болтался у всех под ногами, и запанибратски хлопнув кого-нибудь по плечу, пошутовливо спрашивал:

— Ну, как она-то жизня в... Париже?

А когда от него отмахивались как от назойливой мухи и посылали подальше, он заискивающее и виновато улыбался и как ни чём не бывало удалялся восвояси. Так почему же в жизни появляются такие "друзья поневоле"?

Наверное, для ответа на этот вопрос предметом художественного исследования Дорошенко неспроста выбирает "трудный", подростковый возраст, когда идёт интенсивное формирование личности и как никогда возрастает жажда межличностного общения и проникновения в окружающий мир. Хотя с психологической точки зрения дружба в этот период без опоры на жизненный опыт является, скорее всего, лишь суррогатом излишних эмоций и ложных представлений о морально-нравственных ценностях. И поэтому в ней нередко появляются несколько наигранный пафос героических устремлений.

Проникнувшись к главному герою рассказа тайной симпатией, Друг пытается завоевать его особое расположение, как только может. Когда они неожиданно становятся соседями по парте, Друг как более сильный ученик услужливо подставляет тетрадь для списывания своему инфантильному однокласснику, решает за него задачи по математике, и даже однажды вступает в неравный бой за его "погубленную честь" с уличными дебоширами:

— Ну, что я говорил! — тяжело дыша, вопил он. — Дали им! Дали. Я не один раз врезал кое-кому! А ты! А ты врезал, и он полетел, я видел! Видел я! Дали мы! Будут помнить! Друг! Да мы теперь кому угодно примочим!...

Но вот парадокс! Запальчивый героизм Друга не вызывает ответной, дружелюбной реакции у главного героя. После благородного поступка он в порыве какой-то ревнивой озлобленности, используя никчёмный повод, набрасывается с кулаками на своего защитника. А потом, подслу-

дражение, не только в небольшом школьном коллективе, но и во всём обществе, где зачастую действует стихийный психологический раздражитель, названный Юнгом "коллективным бессознательным". Ведь незыблемые стереотипы толпы, в той или степени отражающие "торжество всеобщего мнения", бывают жестоки и неумолимы. И, что греха таить, под воздействием этих общепризнанных моральных установок (чаще всего низменных и обывательских) мы начинаем как бы стесняться собственных красивых мыслей, чувств и поступков, даже таких, как дружба, о которой ещё Цицерон уважительно сказал: "В мире нет ничего лучше и приятней дружбы. Исключить её из жизни — всё равно, что лишить мир солнечного света..."

Не случайно поэтому действие рассказа как бы выходит за временные рамки, и невольно напрашиваются общественно-исторические аналогии. Скажем, можно ли говорить о благородной и бескорыстной дружбе сегодня, в мире тотального господства "золотого тельца", где преобладают ненасытная жажда потребления и оготелый меркантильный интерес?

Где с некоторой издёвкой звучит постулат "Не имей сто рублей, а имей сто друзей". Где лозунг предыдущих эпох "человек человеку — друг, товарищ и брат", ставший своеобразным духовным завещанием поколений, увы, кажется всего лишь постыдным анахронизмом? Поэтому, наверное, проникая в атмосферу рассказа Дорошенко, начинаешь невольно замечать в окружении Друга нездоровые замашки его одноклассников, вызванные, скорее всего, завистью к его общительному характеру "рубахи-парня", находящегося в постоянном поиске друзей наперекор пассивной замкнутости его школьных товарищей.

Вот только один эпизод из рассказа, который рельефно вырисовывает характерные черты персонажей после той злополучной драки. "Бесь исцарапанный, перепачканный грязью, он теперь бодро шёл домой и, казалось, был доволен исходом нелёгкой битвы. Но тем более тяжко было мне! Потому что он словно не понимал, что ему досталось побольше, что дрался он практически один против всех..."

Так исповедально рассуждает герой рассказа, подосознательно понимая и осуждая свою нерешительность во время драки. Наверное, такие же угрызения совести почувствуют и бывшие одноклассники, когда после демобилизации встретятся в родной деревне и узнают, что Друг из армии всем им написал письма. Да вот только ответов не получил практически ни от кого. Может быть, поэтому Друг и потерял интерес к "родным пенатам" и, демобилизовавшись, завербовался на Камчатку заниматься рыболовецким промыслом?

Может быть, поэтому так исповедально-покаятельно звучат последние строчки рассказа: "Но почему-то именно Друга я вспоминаю теперь чаще, чем всех остальных одноклассников. И кажется мне невероятным, что где-то на белом свете может жить-поживать его чистая и абсолютно вольная душа..."? И невольно задумываешься над тем, как иногда бессильно бывает наше позднее раскаяние за совершенные когда-то неблагоприятные поступки.

А может быть, этот пронзительный рассказ Николая Дорошенко вовсе и не о дружбе, а о тех равнодушных соглядатаях жизни, встречающихся на каждом шагу? О тех, которым Владимир Высоцкий в своё время вынес точный и беспощадный приговор, и кто всегда на поверку оказываются "и не друг, и не враг, а так"? Ведь, наверное, только в кругу таких бездушных "сотоварищей" полное высокое нравственного смысла слово "друг" может стать уничтожительным прозвищем... в насмешку.

О "Ночном дневнике" Николая Зиновьева

Недавний творческий юбилейный вечер Николая Зиновьева был приурочен и к выходу его нового сборника стихов, получившего название "Ночной дневник".

Являются ли книга продолжением собственного предыдущего сборника автора "жизнеутверждающего пессимизма" или же Николай Александрович решил отдать предпочтение более лёгким и непринуждённым произведениям?

Лирика "Ночного дневника" действительно стала многогранна и разнообразна — в одном ряду с привычными стихотворениями с нотами патриотизма и веры в свой народ и его будущее идут и абсолютно обыденные произведения, описывающие прогулки по парку, рыбалку, закат солнца и много другое.

*Парк. Осень. Клёны. Желтизна
Сочится сквозь промозглый морок.
И чувств, и мыслей "новизна"
Смешна, когда тебе за сорок.*

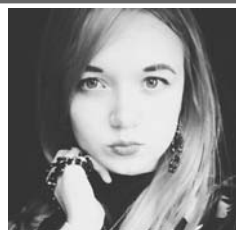
*Роняют клёны наземь семя,
А небо — дождик ледяной...
Я по аллее шёл, и время
Как бы смыкалось за спиной.*

Конечно же, Николай Зиновьев не мог обойти стороной тему, которая сейчас как никогда актуальна для нашего общества, а именно — события, происходящие на Украине.

*Не пишу об Украине
По одной простой причине:*

Власть метаморфозы

Мария ДОЦЕНКО

*Стою на берегу реки,
А глядя
Россию отражает.
Быть может,
мы с ней двойники?
Кто знает?..
Быть может,
я в ней растворился
Или она во мне.*

Случайно.

*Ну, всё. Я тут разошёлся,
А это, вероятно, тайна.*

О единении с родной страной Зиновьев в своих стихах говорил не раз, так что для читателей и любителей его творчества это, конечно, далеко не тайна.

Кстати говоря, стихи с упоминанием реки в данном сборнике встречаются чаще, чем через каждую страницу.

Это и сравнение течения времён, как течения реки, и отражения в реке как зеркальной реальности происходящего, и уже упомянутые стихотворения о рыбалке, и даже так называемое продолжение для известного стихотворения Агнии Барто "Тише, Танечка, не плачь..."

*Стала взрослой ты, Татьяна.
В детстве твоя осталась мяч.
За Россию постоянно
Ты теперь молишь и плачь.*

"Крепчает